

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.1'367.625

Балута А.А.

Московский государственный областной университет

КАТЕГОРИЯ ВИДА РУССКОГО ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ

A. Baluta

Moscow State Regional University

THE CATEGORY OF ASPECT IN THE CONTEXT OF HISTORY OF INDO- EUROPEAN AND SEMITIC LANGUAGES

Аннотация. В данной статье освещается история формирования категории вида русского глагола в сопоставлении с аналогичным явлением в древнейших индоевропейских и семитских языках. При этом привлекаются данные шумерского языка для утверждения базовой терминологии «быстрых» и «жирных» глаголов с проекцией на совершенный и несовершенный вид. В качестве гипотезы предполагается существование субстрата всех глагольных форм, который в древнейших индоевропейских и семитских языках преобразовался сначала в глагольные имена, а позже эволюционировал в спрягаемые формы.

Ключевые слова: категория вида, глагольные имена, индоевропейские и семитские языки.

Abstract. This article highlights the history of the formation of the Russian verb form category in comparison with the similar phenomenon in the ancient Indo-European and Semitic languages. At the same time involved in the Sumerian language data base terminology for the approval of “fast” and “fat” verbs with the projection on perfect and imperfect form. As the hypothesis assumes the existence of a substratum of all verb forms, which in ancient Indo-European and Semitic languages, was transformed first into verb names, and later evolved into the conjugated forms.

Key words: category types, verb names, Indo-European and Semitic languages.

Глагол в русском языке среди прочих категорий имеет категорию вида (совершенный / несовершенный). Уникальность русского языка заключается в том, что глаголы разных видов не составляют единой временной парадигмы, как, например, в латинском (*ornabat* – «украшал» / *ornavit* – «украсил») или многих новых индоевропейских языках. Русские однокоренные глаголы разных видов образуют разные временные парадигмы, при этом состав их неоднороден: «сделать» – «сделал» / «сделаю»; «делать» – «делал» / «делаю» / «буду делать». Таким образом, у глаголов совершенного вида отсутствует форма настоящего времени, а у глаголов несовершенного вида нет синтетической формы будущего времени. Состав неличных глагольных форм также неоднороден. Инфинитивы есть у глаголов обоих видов, однако от глаголов со-

вершенного вида не образуются причастия настоящего времени, а от глаголов несовершенного вида редки причастия прошедшего времени страдательного залога. При этом в латинском, греческом и многих других индоевропейских языках обычно наблюдается полная парадигма неличных форм. В данной статье мы постараемся установить, в чём заключается особенность образования категории вида русского глагола, обратившись к истории индоевропейских и семитских языков.

П.Я. Черных полагает, что «первоначально, в глубокой древности в славянских языках вовсе не существовало никаких форм вида, как не имеется форм вида, например, в современном немецком языке. Они образовались только с течением времени <...> В языке восточных славян эти видовые значения в большей или меньшей степени установились ещё до появления первых памятников письменности» [13, с. 253].

По мнению А. Мейе, все славянские глаголы противопоставлены по виду на совершенные и несовершенные [11, с. 225]. При этом «способность образовывать совершенный или несовершенный вид принадлежит группе настоящего времени и группе инфинитива-аориста каждого глагола. Однако у одного и того же глагола не может быть форм и совершенного, и несовершенного вида» [11, с. 226]. Это создавало определённые трудности при переводе первых славянских памятников с греческого языка, где категория вида, как мы говорили выше, выражалась несколько иначе. Вследствие этого «первые славянские переводчики систематически передавали греческое настоящее время несовершенным видом, а греческий аорист – совершенным» [11, с. 226]. Существенное различие между славянской и греческой категориями вида можно заметить и во временной парадигме: как правило, глаголы совершенного вида не имели имперфекта, и поэтому в тех случаях, когда нужно было выразить имперфект, приходилось прибегать к глаголам несовершенного вида [11, с. 227].

Наличие неполной временной парадигмы у глаголов разных видов наблюдалось не толь-

ко в старославянском языке. А. Мейе полагал, что подобное явление можно встретить и в некоторых восточнославянских и западнославянских языках. «Обычно же настоящее время совершенного вида в старославянском, русском, польском и чешском языках служит для выражения только совершенного вида будущего времени. Это употребление не обнаруживается уже в языках южнославянских, которые, как сербский и болгарский, развили будущее время в собственном смысле слова, т. е. допускающее оба вида (совершенный и несовершенный), с помощью вспомогательного глагола «хотеть» [11, с. 228]. В данном случае также интересно провести параллель с хеттским языком, где не было грамматического различия форм настоящего и будущего времени [5, с. 143].

Таким образом, можно заключить, что южнославянские языки более тяготели к слиянию форм времени и вида, в то время как некоторые восточнославянские языки сохранили наблюдаемое ещё в старославянском языке семантическое видовое различие. Учитывая тот факт, что при переводе первых письменных памятников старославянский язык принял огромное грамматическое наложение из греческого языка, однако в категории вида глагола отчасти сохранил собственные позиции, можно предположить, что семантическое видовое различие старославянский унаследовал ещё из праславянского языка. (Семантическое видовое различие образуется в языке в том случае, если оттенок реального значения соединяется с грамматической категорией [11, с. 229]).

Рассматривая образование глагольных имён от глаголов разных видов старославянского языка, А. Вайан полагает, что противопоставление по виду проявлялось не только во всех формах спряжения, но и в именных формах и глагольных существительных [1, с. 352]. «Глагол несовершенного вида – это такой глагол, у которого настоящее время выражает действие на пути к осуществлению и который обладает причастием настоящего времени и обычно имперфектом; глагол совершенного вида – это глагол, у которого на-

стоящее время имеет значение будущего и у которого нет причастий настоящего времени. Однако у некоторых глаголов совершенного вида встречаются и причастия настоящего времени, и имперфекты» [1, с. 352]. Подобные несоответствия в парадигмах некоторых старославянских глаголов можно также воспринимать как следствие наложения греческой грамматической системы на праславянскую основу.

Ряд подобных несоответствий П.Я. Черных также отмечает в некоторых древнерусских памятниках. «Так, многие глаголы, как приставочные, так и бесприставочные, являющиеся глаголами совершенного вида в современном русском языке и поэтому не имеющие значения настоящего времени, в древнерусском языке гораздо более свободно, чем в современном русском, могли употребляться в сочетании с глаголами несовершенного вида и со значением настоящего времени. Например, в «Повести временных лет»: «А Днепръ *втечетъ* в Понтьское море» (впадает)» [13, с. 254].

Если мы предполагаем наличие семантического видового различия ещё в праславянскую эпоху, то следует провести параллель с наиболее древними индоевропейскими языками. Однако в таких языках, как латынь и древнегреческий, как мы уже говорили выше, видовое различие обычно включается во временную парадигму, что больше соответствует новым западным языкам. Санскрит также не представляет чётко определённой категории вида глагола, поэтому мы предлагаем рассмотреть становление данной категории через призму истории семитских языков. При этом вначале следует обратиться к грамматике шумерского языка, который не является семитским, но территориально граничил с первыми семитами, и наследие которого принял аккадский язык.

В шумерском языке глагол обладал категорией вида. При этом спрягаемые глагольные формы совершенного вида передавали: однократное завершённое действие, имевшее место в прошлом, однократное завершённое действие в будущем; спрягаемые глагольные

формы несовершенного вида выражали: незавершённое действие, происходящее в момент речи, многократное незавершённое действие, имевшее место до момента речи, однократное или многократное незавершённое действие в будущем [7, с. 113-115]. Для классификации вида шумерских глаголов обычно пользуются терминами *hamtu* и *maru*. «Названия *hamtu* и *maru* представляют собой аккадские слова, означающие букв.: «быстрый» и «жирный», т. е. «медленный». Они взяты из аккадских грамматических и лексических текстов» [7, с. 83]. Некоторые исследователи полагают, что в шумерском языке глагол вообще не знал категории времени. «Он различал совершенный вид, условно именовавшийся в шумерологии *Praeteritum*, и несовершенный вид, до недавнего времени условно называемый *Praesens-Futurum*» [15, S. 44]. «Наследники шумерской культуры – аккадцы – делили шумерские глаголы на 2 группы. 1-ю группу они называли *hamtu* «быстрый, стремительный, мгновенный» [17, S. 318], а вторую – *maru* «жирный, медленный» [18, S. 616]. Таким образом, термин *hamtu* соответствовал нашим представлениям о совершенном виде, а *maru* – нашему несовершенному виду [4, с. 26].

Часто грамматическим показателем глагола категории *maru*, то есть несовершенного вида, служил суффикс *e*, при этом корень совершенного вида *hamtu* употреблялся без форманта: *sum* «дать» (*hamtu*) / *sum-e* «давать» (*maru*) [7, с. 85]. Многие шумерские глаголы, составляющие видовую пару *hamtu* / *maru*, как и в русском языке, были однокоренными. Однако встречались и супплетивные видовые пары, это касается слов, обозначающих наиболее древние понятия, например: *dug4* – «сказать» (*hamtu*) / *e* – «говорить» (*maru*) [7, с. 84]. (Следует отметить, что и в русском языке данная видовая пара имеет супплетивные основы.) Таким образом, можно сказать, что в шумерском языке категория вида глагола является предшественником категории времени. Действие, прежде всего, рассматривалось с точки зрения его *завершённости* или *незавершённости*, а глаголы, как и в русском языке, составляли видовые пары. Такое видовое раз-

личие можно также назвать семантическим.

Упоминая *hamtu* и *maru* шумерских глаголов со значением «говорить / сказать», следует вспомнить, что эти глаголы в старославянском языке, составляя видовую пару, так же, как и в шумерском, супплетивны. Уместно, на наш взгляд, рассмотреть в видовом отношении и несколько других наиболее древних славянских глаголов. «Славянские языки сохранили старые основы настоящего времени: *есмь* и *емь* со значением *несовершенного вида*, которое они всегда имели; что касается «дать», то инфинитив *дати* и все формы, с ним связанные, сохранили своё старое «аористное» значение и в славянских языках стали формами *совершенного вида*» [11, с. 231]. Похожее различие можно наблюдать у однокоренных глаголов в санскрите. В этом языке дифференциация глагола по виду не выражена столь ярко, как в славянских языках. Вид, скорее, определяется по классу глагола. Однако у глаголов с наиболее древними корнями (*as* – *есть*, *da* – *дать*) существуют видовые пары, и при этом наблюдается супплетивизм основ. Например, древнейший глагол со значением «быть» (вероятно, ещё с праиндоевропейским корнем) имеет две формы: *as* и *bhu*. От первой формы, которую можно сопоставить со славянским *есмь*, образуются формы настоящего времени, императива, имперфекта и оптатива. От второй формы – будущее время. Что касается наиболее древних неличных форм глагола, то от *as* образуется причастие настоящего времени *sat* («сущий»), а от *bhu* – аористное причастие прошедшего времени *bhata* («бывший») и инфинитив *bhavitum*. Таким образом, *as* и *bhu* составляют единую парадигму, при этом *as* чаще употребляется в бытийных предложениях с конкретным значением и переводится «есть» (*yusmakam gramah vane asti* – Ваша деревня в лесу *есть*), а *bhu* – используется для передачи абстрактных значений и в дословном переводе звучит «бывает» (*ayam raja sukhi sukhah bhuvanah mriyate* – этот царь счастливый наслаждающийся *будучи* умирает).

Что же касается глагола со значением «дать» то в санскрите чаще употребляются формы, образованные от основы *da*. Эта ос-

нова имеет полную парадигму, включая неличные формы. Однако семантика «давать» есть и у глагола *uat* (который обычно употребляется в иных значениях). При существовании форм настоящего времени от *da*, от *uat* настоящее время встречается чаще. В прошедшем времени преобладают формы от *da*. Другие временные формы от *uat* практически не употребляются. Таким образом, *da* и *uat* не составляют единой парадигмы, однако в сознании индусов воспринимаются не как синонимы, а как единое целое.

Из приведённого сопоставления можно сделать вывод, что у наиболее древних индоевропейских глаголов наблюдается видовое различие, аналогичное шумерским «*быстрым*» и «*жирным*» глаголам. Это различие может быть выражено неявно. Следует вспомнить противопоставление в латинском языке глагольных основ *инфекта*, от которого образуются времена несовершенного вида и *перфекта*, образующего времена совершенного вида. При этом у наиболее древних глаголов также наблюдается супплетивизм видовых основ, например, у неправильного и наиболее древнего глагола со значением «нести»: *fero* – основа *инфекта*; *tuli* – основа *перфекта* [3, с. 323]. Подобное явление можно наблюдать и во многих других индоевропейских языках. Таким образом, можно предположить, что во многих индоевропейских языках категория вида глагола могла предшествовать образованию категории времени. Теперь же, когда вид глагола включён во временную парадигму, мы можем отметить следы прежнего существования глаголов, аналогичных *hamtu* и *maru*, в виде противопоставления глагольных основ.

Возвращаясь к шумерским терминам *hamtu* и *maru*, следует вспомнить, что эти понятия дошли до нас через семитские языки, в частности, через аккадские грамматические тексты. Возникновение данных терминов объясняется различием грамматического строя шумерского агглютинативного языка от аккадского. Категория вида семитского глагола уже в аккадском языке имела чёткую связь с категорией времени, причём обе категории были бинарными.

По мнению А.Л. Вассоевича, глаголу во многих семито-хамитских языках не присуща категория времени [2, с. 429].

Прежде всего, следует обратиться к грамматике египетского языка, который многие исследователи относят к семитским языкам. Н.С. Петровский полагает, что «египетские глагольные формы в интересующую нас эпоху не имели грамматической категории времени, а если и имели, то она играла подчинённую роль по сравнению с категорией способа действия» [12, с. 153]. М.А. Коростовцев также считает, что египетскому глаголу категория времени чужда [9, с. 11].

В аккадском языке необходимость в терминах *hamtu* и *maru* для шумерских глаголов возникла потому, что «обозначаемые как «времена» категории глагольных форм первично служили не для выражения относительных временных периодов, как повсеместно наши временные формы, но выражали вид действия и другие, не связанные с временной периодичностью, модификации глагольных понятий» [16, S. 99]. По мнению Л.А. Липина, «первоначально аккадскому глаголу была чужда категория времени, как и глаголам других семитских языков. Вместо деления на прошедшее, настоящее и будущее, время различалось лишь завершено ли действие к моменту сообщения (повествования) или не завершено» [10, с. 92].

Таким образом, история семитских языков указывает на первоначальное отсутствие в них привычной для индоевропейцев временной дифференциации: прошедшее, настоящее, будущее. Действие здесь рассматривалось с точки зрения его *завершённости* или *незавершённости*. Обращаясь к современному состоянию семитских языков, можно отметить, что некоторые из них сохранили аналог древней временной дифференциации. Например, в «Грамматике арабского литературного языка» отмечается, что «семитский глагол не имеет времени в европейском смысле. Вместо тройного деления действия или состояния по соотношению во времени на *прошедшее*, *настоящее* и *будущее*, семит пользуется двойным делением по законченности на *совершенное* и

несовершенное. Если рассматривать *совершенное* время как «прошедшее» по преимуществу, а *несовершенное* как «будущее», на долю настоящего выпадает причастие действительного залога» [14, с. 49-50]. Следовательно, наряду с временным различием в семитских языках наблюдается чёткое видовое различие глагольных форм, причём базовыми являются формы прошедшего (совершенного) и будущего (несовершенного).

В отличие от шумерского языка, где на долю «жирных глаголов» выпадало также обозначение незавершённого действия, происходящего *в момент речи*, семитский глагол изначально не имел спрягаемой формы для настоящего времени. Именно поэтому аккадцы обычно переводили шумерские «быстрые» глаголы формами перфекта, а «жирные» – имперфектом.

Подобную особенность грамматической системы семитских языков можно объяснить спецификой их восприятия времени. По мнению И.С. Ключкова, вавилонскому восприятию времени была присуща конкретность и линейность [8, с. 13-14]. «При таком восприятии времени прошлое и будущее уподобляются пространству, лежащему вне поля зрения; пусть его не видно, но оно, конечно же, существует» [8, с. 27]. А.Л. Вассоевич, проводя параллель между семитским и русским восприятием времени, предлагает такое объяснение формирования глагольной морфологии: «С точки зрения как старорусской, так и вавилонской, предпочтительнее было бы говорить о том, что предсуществует прошлое, а будущее пребывает в послесуществовании, которое, однако, уже предопределено [2, с. 434]. Следовательно, изначально представление о времени в славянских языках, как и в семитских, могло быть бинарным: прошедшее и будущее. Это легко соотносится также с видовой дифференциацией: *совершенство* / *несовершенство*. Однако современное состояние русского языка показывает, что на долю глаголов несовершенного вида приходится также обозначение действия, происходящего в момент речи, то есть настоящего времени. Поэтому, на наш взгляд, категорию вида шу-

мерского глагола также можно соотносить с аналогичной категорией в некоторых славянских (в том числе и русском) языках.

Проведение аналогии между видовременными формами в истории семитских и славянских языков будет выглядеть более уместно, если принять во внимание данные исследований по диахронической морфологии. По мнению В.К. Журавлёва, в истории славянских языков «именное развитие тематического спряжения привело к развитию двух стержневых баз глагольных форм: презентную и аористную основы. Третья основа, бывшая перфектная, на славянской почве деморфологизировалась» [6, с. 172] Внедрение видовых различий в формы настоящего времени является славянским новообразованием [6, с. 173].

Таким образом, основное различие между базовыми глагольными основами в семитских и славянских языках заключается в том, что в первом случае мы имеем противопоставление прошлого и будущего, а во втором – прошлого и настоящего. Следовательно, славянская глагольно-видовая система, на наш взгляд, ближе к шумерским *hamtu* и *maru*, нежели к семитским *перфекту* и *имперфекту*.

Если отвлечься от спрягаемых глагольных форм и обратиться к глагольным именам, то можно отметить, что наиболее употребительные причастия во многих индоевропейских языках отражают не временную дифференциацию (прошедшее, настоящее, будущее), а классифицируют действие с точки зрения его *завершённости* / *незавершённости*. В полупредикативных обстоятельственных причастных оборотах время относительно, оно рассматривается как предшествование или одновременность действию главного глагола. Учитывая тот факт, что появление именных глагольных форм в праязыках могло предшествовать спрягаемым формам, мы возвращаемся к предположению, что в индоевропейских и семитских языках категория вида глагола предшествовала категории времени. В дальнейшем вид глагола мог включаться во временную парадигму, что произошло во многих индоевропейских языках, или же обрести слияние с семантикой глагола, пример

чего наблюдается в некоторых славянских языках, в том числе и в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вайан А. Руководство по старославянскому языку / Перевод с фр. В.В. Бородич. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 448 с.
2. Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока. (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). – СПб.: Алетей, 1998. – 544 с.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – 5-е изд. – М.: Русский язык, 1998. – 1976 с.
4. Дьяконов И.М. Вавилонская филология // История лингвистических учений. Древний мир. – Л.: Наука, 1980. – 1130 с.
5. Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 296 с.
6. Журавлёв В.К. Диахроническая морфология. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
7. Канева И.Т. Шумерский язык. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 240 с.
8. Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. – М.: Наука, 1983. – 552 с.
9. Коростовцев М.А. Введение в египетскую филологию. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 280 с.
10. Липин Л.А. Аккадский язык. – М.: Наука, 1964. – 157 с.
11. Мейе А. Общеславянский язык / Перевод и прим. проф. П.С. Кузнецова. – 2-е изд. – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 500 с.
12. Петровский Н.С. Египетский язык. Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка / Под ред. ак. В.В. Струве. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 329 с.
13. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. – 2-е изд. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1954. – 336 с.
14. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка / Под ред. и с предисл. И.Ю. Крачковского. – Изд. 4-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 168 с.
15. Falkenstein. Das Sumerische // Handbuch der Orientalistik. 1. Abteilung, 2 Bd., Lief. 1. – Leiden, 1959. – 683 S.
16. Soden W. Von Grundriss der Akkadischen Grammatik. – Roma, 1952. – 274 p.
17. Soden W. Von Akkadisches Handwörterbusch. Bd. I. – Wiesbaden, 1965. – 1592 S.
18. Soden W. Von Akkadisches Handwörterbusch. Bd. II. – Wiesbaden, 1972. – 1562 S.